

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – X**

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

19–21 июня 2006 г.

Санкт-Петербург
Наука
2006

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-Х (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
международной конференции, проходившей 19–21 июня 2006 г.
/ Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. – 2006. – 358 с.

ISBN 5-02-026435-0

отв. редактор Н. Н. Казанский

отв. за выпуск Е. Р. Крючкова

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проводится в рамках
постоянно действующей Школы индоевропейского
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
РГНФ – грант №06-04-14092Г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – гранты №06-04-14092Г и №06-04-00471а
«Модели описания диахронических процессов и проблемы
индоевропейского сравнительного языкознания»,

гранта № НШ-4517.2006.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языко-
знания» (рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 5-02-026435-0

© Коллектив авторов, 2006

© ИЛИ РАН, 2006

А. Кейдан

«Калькированный архаизм» готского языка

Как известно, готский язык считается самым архаичным из германских языков. При этом наши знания об этом языке основываются на переводе с греческого Нового Завета, осуществленного в конце IV века. Текст этот в большой степени калькирует греческий оригинал. Как сочетается архаичность языка и калькированность того текста, по которому мы можем о нем судить? Ведь, в некотором смысле, архаизм и калькирование – явления трудносовместимые. Понятие архаизма, применительно к языку письменного памятника, подразумевает наличие в его грамматике таких черт, которые не сохранились ни в других языках того же семейства, ни в других памятниках, написанных на том же языке. С другой стороны, калькированность – отличительная особенность таких переводных текстов, авторы которых ставят своей целью сохранить в переводе как можно больше структурных и смысловых характеристик оригинала. Калькированность неизбежно влечет за собой определенное количество новообразований, буквально воспроизводящих на языке перевода структуру и/или смысл языковых знаков языка оригинала. Эти новообразования часто нарушают правила языка перевода (во фразеологии, синтаксисе, морфологии). Все это неизбежно несет новаторский характер, и – в теории – плохо сочетается с архаизмом.

Прежде чем попытаться ответить на поставленный вопрос следует отметить одно немаловажное обстоятельство: если мы считаем, что готский Новый Завет – дело рук одного лица (епископа Вульфилы), то нельзя не принимать во внимание обстоятельства жизни автора как исторического лица. Действительно, готский Новый Завет как литературное произведение, скорее всего, создавался под влиянием литературных и стилистических моделей того времени, в рамках которого жил и творил епископ Вульфила. Вопрос, следовательно, в том, как определяются эти стилистические и литературные каноны.

Оказывается, что определить их довольно просто. Дело в том, что Вульфила, подобно жившим на полтысячелетия позже славянским апостолам Кириллу и Мефодию, был человеком двойной культуры: он родился в «варварской» среде готов, но получил образование и сделал карьеру в Константинополе. Кроме того, Вульфила был арианом. В период молодости Вульфилы, когда он был рукоположен сначала в чтецы, а потом сразу в епископы, и послан на проповедь к готам, это религиозное движение пользовалось наибольшим влиянием в империи и при императорском дворе.

Вульфила принял арианскую веру не из приспособленческих соображений, а чистосердечно и в полной мере, т. е., не пошел на компромисс так называемого полу-арианства (Simonetti). Когда это религиозное течение стало терпеть поражение, он не только не отказался от него, а даже отправился в качестве арианского делегата на Вселенский собор 381 года (однако умер, так и не добравшись до Константинополя).

Из этого можно сделать вывод, что Вульфила может быть по праву отнесен к верхушке арианской интеллигенции. В Константинополе он обучался у наиболее видных представителей арианства, таких, как, например, епископ Евномий кизикийский. Современники (причем не только его непосредственные ученики) ценили в Вульфиле мудрость, и называли его ὁ ἐφ' ἡμῶν Μωϋσῆς 'наш Моисей'. В его житии утверждается, что Вульфила знал *grecam et latinam et goticam linguam*, а также написал *plures tractatus et multae interpretationes* (Streitberg). В епископы он был рукоположен в возрасте всего лишь тридцати лет.

Следовательно, его культурные и литературные пристрастия скорее всего полностью определялись его идеологической принадлежностью. А на вопрос, какова была культурная атмосфера в арианской среде, можно смело дать вполне определенный ответ: писатели и апологеты арианства отличались своим пристрастием к так называемому аттицизму.

Под аттицизмом понимается литературное, стилистическое и языковое направление, процветавшее в грекоязычном мире примерно от александрийской эпохи вплоть до позднего Средневековья. Аттицизм провозглашал культ старины, превозносил языковой классицизм и провозглашал в качестве своего стилистического идеала аттическую прозу V–IV веков до н. э. Авторы-аттицисты намеренно вводили в свои произведения некоторые черты греческого языка, которые в то время были уже давно полностью утрачены разговорной речью, и следовательно имели ярко выраженную архаическую коннотацию. В результате ценой большей или меньшей искусственности язык высокой литературы как бы приобщался к устоям старины, подобно тому, как в России долгое время славянизмы служили показателем высокого стиля (Успенский).

Аттицизм сосуществовал с более просторечными формами койне (преобладавшего в административных и частных документах), но почти полностью вытеснил разговорный язык из литературной сферы. В некотором смысле, грамотность как таковая подразумевала умение писать на языке аттических классиков. В конечном счете эта ситуация привела, уже в Новое время, к диглоссии и противостоянию *δημοτική* и *καθαρεύουσα* в греческом языке.

Важно отметить, что владение навыками аттицизма настолько отождествлялось с приобщенностью к исконной греческой культуре, что иностранцы (и просто провинциалы), стремившиеся получить признание среди греков, были наиболее последовательными приверженцами этой литературной моды. Так, например, некоторые из излюбленных аттицистами архаизмов впервые засвидетельствованы у семитов Иосифа Флавия и Николая Дамаскина.

Как подчеркивают исследователи (Cassio), яркими аттицистами были и ариане, что не удивительно: это религиозное движение зародилось и получило распространение именно в интеллектуальной среде богословов и «технической интеллигенции», например, медиков (Newman). Соблюдая с особой тщательностью каноны классицизма, идеологи арианства культивировали образованность, которая ощущалась как отличительная особенность арианства по сравнению с православием. И наоборот: православная вера имела определенную «плебейскую» окрашенность. Православная толпа с презрением говорила: «Полуариане от Платона, а ариане – от Аристотеля» (Newman). Эта ситуация напоминает тот культ учености, который блюли старообрядцы на Руси, противопоставляя себя безграмотному православному народу.

На самом деле уже во II–III веках, а особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, в христианской литературе актуализировалась проблема языка и стиля. Постепенно произошёл переход к более высоким стилистическим стандартам, превышавшим то полулитературное, а временами и совсем просторечное койне, на котором было написано Священное Писание и звучала христианская проповедь «катакомбного» периода. Например, стиль Климента Александрийского уже вполне соответствует канонам аттицизма. Арианство, таким образом, лишь продолжило уже давно назревшую тенденцию.

Гораздо труднее сказать, в чем конкретно состояли отличительные особенности аттицизма. Обычно в этой связи упоминается набор общеизвестных языковых фактов (например, в фонетике, сочетание *tt* вместо *σσ*; в морфологии – широкое, если не гиперкорректное, употребление опатива, дуалиса и, позже, дательного падежа; в лексике – употребление аттического словаря). Однако на сегодняшний день мы не имеем систематического и подробного описания лингвистических особенностей аттицизма. Ближе всего к такому описанию стоит исследование Шмида (Schmid). Фактически, до сих пор одним из основных источников информации об аттицизме остаются древние лексикографы (Фриних, Мерид), несмотря на известную бессистемность и раздробленность их подхода.

В этом докладе будет рассмотрена одна из наиболее характерных отличительных черт аттицизма: дуалис (двойственное число). В Аттике эта грамматическая категория была полностью вытеснена множественным числом уже в конце классической эпохи (конец IV века до н. э.), а в других диалектах она исчезла еще раньше.

Выбор дуалиса не случаен. Дело в том, что двойственное число хорошо представлено в готском языке: в спряжении глагола и в системе личных местоимений (за исключением третьего лица местоимения и глагола, а также всей парадигмы медиопассива). Как известно, дуалис является одним из тех архаизмов, которые отличаются готский от всех остальных германских языков (не считая отдельных реликтовых форм в руническом, древнеанглийском и др.).

В связи с этим можно сформулировать следующую гипотезу: в языке готского перевода Нового Завета присутствуют формы двойственного числа, поскольку эта грамматическая категория воспринималась как признак высокого стиля в той культурной среде, в которой Вульфила получил образование и сделал карьеру. Это не означает, что переводчик придумал эти формы: они существовали (возможно, уже в качестве архаизмов) и в его родном языке.

Не следует забывать, что далеко не во всех случаях, когда логически ожидается дуалис (то есть когда подлежащее представлено двумя лицами или объектами), Вульфила употребляет соответствующие формы. Однако было бы слишком просто объяснять эти колебания как интерполяции более позднего периода: готская цивилизация просуществовала не так уж много лет, чтобы переписчики времен Теодориха (то есть эпохи, к которой относится большинство сохранившихся рукописей) были не в состоянии безошибочно воспроизвести текст Вульфилы.

Не вполне убеждают и доводы Мейе (который развивает гипотезу Кюни) о том, что двойственное число, будучи уже тогда «реcessивным» явлением, употреблялось только в том случае, если два лица, к которым оно относилось, были одного и того же пола. Если принять это предположение, то действительно количество необъяснимых случаев употребления множественного числа вместо двойственного сильно снижается. Однако, как обнаружил Сеппянен, по непонятной причине Мейе упустил из виду и не включил в подсчет несколько контекстов. В результате, по современным подсчетам, «неправильные» случаи (т. е., множественное число в контекстах, предполагающих двойственное) составляют больше трети всех контекстов (Seppänen).

Однако главный вопрос, по нашему мнению, заключается совсем не в этом. Остается непонятным: зачем было вообще употреблять двойственное число, которое полностью отсутствует в языке Нового Завета?

И действительно, готский Новый Завет отличается, как известно, чрезвычайной близостью к греческому оригиналу. Готский язык, таким образом, предстает перед нами как одна большая калька с греческого. Калькируется все, от морфологии до синтаксиса, от употребления глаголов и предлогов до семантических смещений (метафор). Это значит, что Вульфила прекрасно мог бы не вводить в текст перевода двойственное число как таковое: это лишь приоблизило бы перевод к оригиналу.

Однако происходит обратное: формы дуалиса присутствуют в тексте. Объяснить этот факт можно, лишь предположив, что это был намеренный стилистический прием переводчика. Вульфила, приверженец арианства, прославленный ритор-аттицист, человек своей эпохи, совершил как бы стилистическую кальку: на основе языкового материала своего родного «варварского» языка он попытался воспроизвести расхожую стилему высокой греческой культуры.

Исследователи уже отмечали (Gusmani), что контексты, в которых имеются формы двойственного числа, явным образом отличаются определенной торжественностью. Это и не удивительно: если учесть, что готский дуалис имел лишь формы первого и второго лица, становится понятно, что такие формы появлялись в основном в диалогах и в прямой речи; и то, и другое в евангельском повествовании относится обычно к высказываниям Иисуса Христа, так что торжественность этих пассажей вполне естественна. Однако одной этой торжественности, по-видимому, недостаточно для объяснения самого факта выбора именно этой грамматической категории в качестве марки высокого стиля. Лишь при допущении влияния аттицизма на автора перевода формы двойственного числа полностью объясняются.

Что касается колебаний в употреблении дуалиса, следует учитывать, что при переводе с греческого Вульфила должен был самостоятельно «просчитывать» такие контексты, в которых двойственное число было бы оправдано семантически, поскольку в греческом Новом Завете эти формы отсутствуют. Задача эта отнюдь не простая, что видно и по разнице в подсчетах у современных исследователей; поэтому неудивительно, что и Вульфила пропустил некоторые из возможных контекстов. На совести позднейших переписчиков остаются разве что те немногочисленные случаи, когда двойственное и множественное число употребляются вперемешку в одном и том же контексте.

Не следует считать, что такой шаг со стороны Вульфила был маловероятен в силу своей искусственности. Нам трудно себе представить сегодня, какие вольности позволялись при переводе

текстов с языка, пользовавшегося высоким престижем, (обычно греческого) на «варварское» наречие очередного юного народа.

В качестве типологической параллели можно привести пример ранней латинской словесности, которая ориентировалась на современную ей греческую литературу. Тот факт, что эта последняя переживала в тот момент «декадентскую» александрийскую эпоху, нисколько не смущал таких авторов, как Энний, который, в частности, пытался воспроизвести, при помощи архаической и/или диалектной флексии *-oeo* гомеровское окончание родительного падежа *-oio*, а также гомеровские нетематические существительные (типа *δῶ* и *κρί* вместо *δῶμα* и *κρίθη*) в виде совершенно искусственных усеченных форм *do* (вместо *domus*), *gau* (вместо *gaudium*), *cael* (вместо *caelum*), не говоря уже о неуклюжей имитации греческого тмезиса (*cere-comminuit-brum*) (Mariotti).

Еще одна хорошая параллель – грамматика церковнославянского, где существовали целые грамматические конструкции, полностью калькированные с греческого; к ним относятся: конструкция *отъ* + родительный падеж для выражения агенса в пассиве (калька с греческого *ὄντο* + родительный падеж), дательный абсолютный (калька греческого родительного абсолютного) и т. п.

Заметим, что двойственное число отнюдь не единственная отличительная особенность языка Вульфила, объяснимая влиянием греческого аттицизма. Однако дуалис является наиболее выразительной из этих особенностей (к которым можно отнести, по видимому, и такие явления, как тмезис, *figurae etymologicae*, согласование глагола с подлежащим *ad sensum*, атрибутивные конструкции типа *in medias res*, а также некоторые другие).

Подводя итоги, можно заключить, что калькированность и архаизм были мастерски соединены Вульфиллой в одно целое. Его архаизм был сам по себе калькой, но калькой более высокого уровня, чем просто морфологические, синтаксические или семантические кальки. Поэтому не стоит порицать Вульфилу за чрезмерную буквальность его перевода (притом, что в ту же эпоху Иероним провозглашал переводческий принцип *non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*, остающийся в силе и сегодня): епископ Вульфила, равно как и ранние латинские поэты до него, и Кирилл и Мефодий после него, провел важнейшую творческую операцию: грубый языковой материал своего «варварского» племени он превратил в язык новой христианской готской культуры. Как и в других подобных случаях, основным орудием этого преобразования послужил буквальный перевод Священного Писания.

Библиография

- Cassio 1998: Albio Cesare Cassio, *La lingua greca come lingua universale*, в кн.: Salvatore Settis (cur.), *I Greci. 2/III*, Torino: 998-1013
- Cuny 1906: Albert L. M. Cuny, *Le nombre duel en grec*, Paris
- Gusmani 1968: Roberto Gusmani, *Miscellanea gotica*, «Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche» 102: 272-296
- Hansen 1998: Dirk V. Hansen (hrsg.), *Das Attizistische Lexikon des Moeris: Quellenkritische Untersuchung und Edition*, Berlin – New York
- Mariotti 1988: Scevola Mariotti, *Enn. ann. 120 Skutsch (126 Vahlen²)*, «Bulletin of the Institute of Classical Studies» Supplement 51: 82-85
- Meillet 1909: Antoine Meillet, *Notes sur quelques faits gotiques*, «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris» 15: 73-103
- Newman 1890: John Henry Newman, *The Arians of the Fourth Century*, London
- Schmid 1887-97: Wilhelm Schmid, *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus*, Stuttgart
- Seppänen 1985: Aimo Seppänen, *On the Use of the Dual in Gothic*, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur» 114/1: 1-41
- Simonetti 1976: Manlio Simonetti, *L'arianesimo di Ulfila*, «Romano-barbarica» 1: 297-323
- Streitberg 2000: Wilhelm A. Streitberg (Hrsg.), *Die Gotische Bibel*, Heidelberg (7. Aufl.)
- Успенский 1994: Б. А. Успенский, Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.), Москва
- Успенский 2002: История русского литературного языка (XI-XVIII вв.), Москва